

22 ФЕВ 1969

ВСТРЕЧА С РЕАЛИСТОМ

Марти ЛАРНИ,
финский писатель.

КАК-ТО я возвращался самолетом из Стокгольма в Хельсинки. Я уже застегивал привязные ремни, когда рядом со мной уселся запыхавший мужчина, который ворвался в самолет в последний момент. Он был неопределенного возраста, среднего роста и хорошо одет. Его серое лицо напоминало высушенную треску, а непомаженные волосы — черную лакированную жесть. В ответ на многочисленные просьбы бортпроводницы застегнуть пояс он лишь пожал своими костлявыми плечами и по-английски, с явным заокеанским акцентом, заявил:

— Никогда не застегивал, не буду застегивать и сейчас. Хочу всегда чувствовать себя свободным человеком.

Затем, повернувшись ко мне, он пожелал узнать мою фамилию, профессию, возраст, семейное положение, домашний адрес, размер обуви, состояние здоровья и сколько я зарабатываю. Я сообщил ему свою фамилию, профессию и номер обуви, но ничего более. Он скорчил недовольную мину и заявил, что презирает людей, которые умышленно утаивают подробности о себе. Сам он, например, не имеет от меня никаких секретов.

— Вы из Хельсинки? — спросил он у меня.

— Коренной житель.

— Отлично. Стало быть, вы можете дать мне кое-какую информацию о столице вашей страны, в которой я еще не бывал. В Хельсинки есть театры?

— Да, более десяти.

— А опера?

— Есть и опера.

— Хорошо. Но, надо полагать, в Хельсинки есть и тюрьмы?

— Да, две, к сожалению. Тюрьма предварительного заключения и тюрьма, где отбывают наказание.

— А чего сожалеть-то. Я, наоборот, радуюсь, что в Хельсинки есть и театры, и тюрьмы. Это означает, что Финляндия не является слабо развитой страной. Хотя вы и не очень красноречивы, тем не менее не могли бы вы кратко ответить мне на несколько вопросов?

— По-моему, я уже сообщил вам номер своих ботинок.

— Верно, и фамилию, и профессию тоже. Фамилия ваша мне ничего не говорит, а по профессии я могу догадаться, сколько вы зарабатываете в месяц. Ваш заработок настолько мал, что вызывает жалость. Мужчина, существующий на столь мизерные средства, не может иметь семьи, не говоря уже о собственной квартире. Как, правильный я сделал вывод?

— Судите сами. Вы, по-видимому, ясновидящий?

— Берите выше, намного выше. Вижу я не только хорошо, но и куда дальше, чем многие мои подчиненные. Я и вас вижу насквозь. Вы ошарашены, но вы не человеконенавистник. Вы готовы оказать помощь ближнему своему. Поэтому я прошу вашей помощи.

— Если вы думаете, что сможете одолжить у меня денег, то ошибаетесь, — решительно ответил я. — Если же вам нужен парашют, то обратитесь к штурману или бортпроводнице.

— Да вы просто на редкость красноречивы! — воскликнул будущий гость Хельсинки, фамильярно хлопнув меня по плечу. — Вы романтик или реалист?

— Во сне романтик, наяву реалист.

— Очень хорошо! Только вам никогда не следует спать. А поскольку вы реалист, вы должны понять и меня — настоящего реалиста. Речь пойдет не о деньгах. Мне нужна помощь другого рода. Вот вам блокнот и карандаш. Пишите адреса всех хельсинкских театров и тюрем. Учтите, может случиться так, что я пробуду в Хельсинки всего два дня.

Я выполнил просьбу своего попутчика и записал в его блокнот адреса одиннадцати театров, двух тюрем и на всякий случай двух психиатрических лечебниц. Вернув ему блокнот, я полюбопытствовал, чем он вооб-

ще-то занимается. Тут он поведал мне следующую историю:

— Я поборник нового реалистического театра. Путешествую по свету, выступаю с докладами, учу. Моя страна финансирует эти поездки в благодарность за честь и славу, которую я приношу ей на протяжении многих лет. Мое представление о театре исходит из того, что реалистическая пьеса должна быть по-настоящему реалистичной. Если драматург в своем произведении рисует проститутку, то женщина, играющая эту роль, должна быть настоящей проституткой. Я бы разрешил эту проблему просто: при домах терпимости должны быть созданы театральные училища.

Театральные школы должны быть созданы и при тюрьмах. Ведь вы знаете, что, например, в шекспировских драмах злодеи и герои умирают, пронзенные мечом или заколотые кинжалом. Смешно, когда эти актеры, погибшие в ходе драмы, возвращаются после спектакля на сцену, чтобы принять цветы и овации публики. Этакое шутовство — уже не реалистический театр, потому что оно лишает зрителя иллюзий. Зритель требует, чтобы зрелище полностью возмещало ему стоимость билета, а посему трупы убитых во время спектакля по окончании должны быть свалены в кучу на авансцене. Трагедии в наши дни исключительно популярны. В камерах смертников люди тоже не переводятся. Но осужденные боятся электрического стула, газовых камер и виселицы. А вот если им дать роль в пьесе, они с честью сложат голову на сцене, веря, что они поистине корифеи мировой истории.

Театральные училища при тюрьмах — величайшее достижение артистической деятельности нашего века. При училищах должны существовать также классы киноискусства, готовящие смертников — индейцев и негров. — для нужд нашей кинопромышленности. От них требуется сыграть всего одну роль, так как в фильме, который является по-настоящему реалистичным, стреляют не деревянными пулями, а чистым свинцом. Да и нет нужды играть убитого в этих фильмах, потому что убивают по-настоящему. И раз и навсегда.

Реалистический театр обладает и большим моральным воздействием. Зритель должен постепенно научиться понимать, какая это честь — умереть от удара сабли или от пули. Тем самым реалистический театр воспитывает в гражданах здоровую волю к обороне страны и презрение к смерти. Грудь театрального героя, умирающего от раны, нанесенной кинжалом, уже не понадобится паковать красным вином или малиновым вареньем, это сделает его собственная кровь.

Ну, а если возникнет перепроизводство таких актеров, то проблему можно будет разрешить, организовав где-нибудь в отдаленной стране войну и направив приговоренных к смерти на передовую. Тогда они сложат головы не как преступники, а как великие герои своей отчизны...

— Погасите сигареты и застегните привязные ремни! — прозвучал голос бортпроводницы.

Мой собеседник опять не согласился застегнуть пояс, твердя, что он свободный человек. Самолет приземлился, и он первым выбрался из машины. Он горел желанием познакомиться с театрами и тюрьмами. И хотя этот человек несколько раз подчеркивал, что у него нет от меня секретов, он тем не менее скрыл свою фамилию, гражданство и адрес. Со времени нашей встречи прошла уже неделя, но я ничего не видел и не слышал о его пребывании в Финляндии. Ни на полосах газет, ни в передачах радиовещания. И я начинаю опасаться, не выбрал ли он в блокноте первым тот адрес, по которому расположена известная психиатрическая больница. Я, видите ли, тоже реалист.

Перевод с финского
А. Бородавкина.
(АПН).